

Пролетарії всіхъ странъ, соединяйтесь!

КО ВСЪМЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Не надо затемнять.

Невозможно отрицать, что большевизмъ — основное и сильнейшее течениe въ российской социал-демократии — переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Существо кризиса заключается въ томъ, что имѣются на-лицо въ высшей степени важные тактические и организационные вопросы, которые требуютъ немедленного, опредѣленного рѣшенія, и которые различными отынками большевизма решаются неодинаково. Что же касается до борьбы, бѣщеная полемика въ официальныхъ статьяхъ и революціяхъ, оскорбительная характеристики и т. под., — то она обусловливается не столько существомъ дѣла, которое она, напротивъ, значительно затемняетъ, сколько подпольностью жизни организаций и заграницно-эмigrantскимъ характеромъ официальной большевистской прессы. Мы не считаемъ форму раскола и общевинного скандала обязательной для подобныхъ кризисовъ, и протестовали противъ нея въ своемъ первомъ обращеніи къ товарищамъ большевикамъ по поводу положенія фракціи.*). Для всякаго должно быть ясно, что оптимистичность за такую „форму“ изрѣшенія очередныхъ вопросовъ, — или, если эта форма, вопреки нашему мнѣнію, есть наилучшая, то заслуга ея проведенія въ жизнь — должна быть всецѣло отнесена на долю тѣхъ, кто по нашему официальному положенію имѣлъ возможность руководить омъ кризиса, — на долю нынѣшняго состава большевистского центра. Мы же теперь постараемся, отвлекшись на время отъ стороны дѣла, разсмотрѣть его сущность.

Вопросы, раздѣляющіе въ данный моментъ большевистскую партию, имѣются двухъ родовъ: во-1-хъ), вопросы дѣйствительно ю; и во-2-хъ), вопросы беспорные, т. е. такие, которые сдѣланными только по недоразумѣнію, или благодаря разгоряченной атмосфѣрѣ борьбы внутри фракціи, когда самыя несомнѣнно-вѣщи отвергаются иной разъ только потому, что ихъ утверждаютъ „враги“, т. е. товарищи другого отѣнка.

1. ВОПРОСЫ СПОРНЫЕ.

Основной изъ нихъ есть именно тотъ, о которомъ умалчиваются и недоговариваются, котораго стараются даже не называть: въѣхъ — куда мы идемъ? какова историческая судьба нашего колѣнія, — новая революціонная волна или органическое раз带给?

Стоитъ прямо и ясно поставить этотъ вопросъ, чтобы увидѣть, что, при однѣхъ и тѣхъ же основныхъ посылкахъ революціоннаго арктизма, два разныхъ его рѣшенія даютъ двѣ разныя политическія линіи.

Тутъ становятся спорными слѣдующіе важные вопросы: отношеніе къ Гос. Думѣ и другимъ „легальнымъ возможностямъ“ — профессіональнымъ союзамъ, кооперативамъ и пр.; отношеніе къ волюціонно-боевой традиціи большевизма; отношеніе къ нелегальной организации.

1) Отношеніе къ Г. Думѣ и легальнымъ возможностямъ.

Предположимъ, что нашему поколѣнію не видать новой революціонной волны, что столыпинскіе планы умиротворенія выполняются болѣе или менѣе удачно, и нынѣшнее правительство съ Зѣей и послѣдующими Думами твердою рукою ведетъ Россію по пути буржуазнаго развитія такъ, какъ это всего удобнѣе для помѣщиковъ и крупной буржузіи, вмѣстѣ взятыхъ. Тогда все развию Россія должно ити „органическимъ путемъ“: въ деревнѣ въоряется понемногу прусско-юнкерская система, въ городѣ рабочій классъ понемногу организуется на каждодневной экономической борьбѣ, а также на тѣхъ формахъ политической дѣятельности, которая допускаетъ правящій союзъ аграріевъ и капиталистовъ съ буржузіей; либеральныя реформы мало-по-малу вынуждаются самимъ экономическимъ развитіемъ и мирнымъ, спрерывнымъ давленіемъ снизу при посредствѣ общественного центра; думскія большинства постепенно лѣвѣютъ, и въ ряду лѣтій, неохотно и упираясь, проводятъ эти самыя реформы. Тогда центръ тяжести партійной работы? Дѣло совершенно ясное: въ Гос. Думѣ и другихъ „легальныхъ возможностяхъ“, какія еще находятся въ наличности. Именно тамъ, потому что больше и нѣгдѣ, такъ что и разсуждать не приходится: надо итти, куда пускаютъ.

Тогда всякому, кто сказалъ бы, что нельзя дѣлать парламент-

скую работу въ такомъ учрежденіи, какъ Зѣя Дума, центральнымъ пунктомъ партійной жизни, можно съ полнымъ основаніемъ отвѣтить, напримѣръ, такъ:

„Когда имѣются на-лицо дѣйствительно условия острой и усиливающейся реакціи, когда механическая сила этой реакціи дѣйствительно разрываетъ связь съ массами, затрудняетъ достаточно широкую работу и ослабляетъ партію, именно тогда специфической задачею партіи становится овладѣніе парламентскимъ оружиемъ борьбы... Чѣмъ сильнѣе механическая сила реакціи, чѣмъ болѣе ослаблена связь съ массами, тѣмъ больше выдвигается на очередь... использование созданныхъ старой властью путей пропаганды и агитации...“ („Прол.“, 47-8, прил.).

Но предположимъ, что историческія перспективы не тѣ. Пусть нынѣшній моментъ есть межъ-революціонный, — не въ томъ смыслѣ, что завтра будетъ новая революція, но и не въ томъ, что наши потомки когда-нибудь переживутъ революцію, а въ томъ, что еще наше политическое поколѣніе должно будетъ участвовать въ новой революціонной волнѣ и, значитъ, обязано будетъ руководить ею. Тутъ весь способъ разсужденія неизмѣнно мѣняется.

Съ одной стороны, передъ нами важнѣйшая и по существу центральная задача: подготовить партію и пролетариатъ къ прямой революціонной борьбѣ. Для всякаго ясно, что избирательная и думская работа непосредственно такой подготовки не даетъ, а можетъ лишь косвенно служить ей. Съ другой стороны, самая думская арена, какъ и прочія „легальные возможности“, становится тогда величиной колеблющейся и политически-ненадежной. Въ странѣ, идущей къ революціонному кризису, и находящейся въ то же время подъ властью реакціи, всякія „думы“ и „легальные возможности“ даются и отнимаются, расширяются и урѣзываются сообразно неустойчивымъ расчетамъ судорожно-мечущейся въ стремлѣніи отвратить неотвратимое бюрократіи съ ея союзниками. По обѣимъ этимъ причинамъ несомнѣнно, что думскую работу нельзя сдѣлать центральнымъ пунктомъ, которому подчиняются и къ которому приспособляются всѣ остальные партійные задачи и функции; нельзя сдѣлать такимъ центральнымъ пунктомъ и прочія „легальные возможности“.

Разумѣется, и тогда для партіи необходимо безъ упущенія использовать все, что возможно и выгодно. Но тогда надо тщательно взвѣшивать, а не брать безъ разбора все, что создано „старой властью“. Такъ, работа въ профессіональныхъ союзахъ, клубахъ, кооперативахъ можетъ быть только полезною для партіи, если при этомъ значеніе ихъ не искажается, и они не противопоставляются нелегальной работѣ, какъ нѣчто конкурирующее съ нею или даже ее исключающее. Но уже вопросъ объ участіи въ завѣдомо реакціонной Думѣ становится очень и очень спорнымъ. Использовать ее извѣннѣ — безусловно возможно и обязательно; ея критика, анализъ ея группировокъ, ея обличеніе и т. д. — превосходное орудіе пропаганды и агитации. Но использование извѣннѣ представляетъ уже не только выгоды, которыя, конечно, очевидны всякому — возможность пропаганды и агитации съ открытой общероссійской трибуны, — но также извѣстныя неудобства и опасности. Тутъ не приходится тогда игнорировать даже того, что самыя участіемъ до нѣкоторой степени санкционируются, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ широкой массы, завѣдомо вредное учрежденіе. Затѣмъ, при скверномъ избирательномъ законѣ, составъ фракціи не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать политическому уровню партіи, а если реакціи удастся изолировать фракцію отъ массы, то составъ ея можетъ понизиться еще болѣе, и ея выступленія могутъ безъ нужды компрометировать партію. На почвѣ ея ошибокъ, и различной оцѣнки ея значенія въ связи съ этими ошибками, могутъ обостриться разногласія внутри партіи, а въ душной атмосфѣрѣ подполья они могутъ развиться до степени расколовъ, глубоко дезорганизующихъ партію, и т. д. Все это должно быть принято во вниманіе, какъ при рѣшеніи самаго вопроса объ участіи въ Думѣ или ея бойкотѣ, такъ и позже, при всякой провѣркѣ и всякому подведеніи итоговъ партійной работѣ. Оцѣнка можетъ быть неодинаковой, потому что учетъ выгодъ и невыгодъ очень сложенъ и труденъ, данная, на которыхъ онъ основывается, лишь приблизительны и неточны. Вопросъ должны рѣшать организаціи, по возможности — демократическимъ путемъ; и было бы нелѣпо, если бы изъ-за чисто практической оцѣнки онъ при этомъ раскалывался на новыя фракціи. При рѣшеніи вопроса о Зѣй Думѣ, у большевиковъ въ ихъ исполнительной коллегіи — большевисткомъ центрѣ — значительное большинство было за участіе; наоборотъ, на конференціи изъ 10 представителей отъ б-скпхъ организацій 9 было за бойкотъ, одинъ Ленинъ — противъ него; но делегаты не-большевистскіе были за участіе, и таково оказалось партійное рѣшеніе. Большевики подчинились и пошли въ избирательную кампанію; но отъ права критики сдѣ-
210

* Отчетъ устранившихъ членовъ расширенной редакціи „Пролетарія“.

данного партийного шага, от права проверки и учета его последствий они, конечно, не отказывались.

Если затеяли, на почве этого учета, возникают новые практические предложения, в роде отзыва фракции, то решать вопрос о них надо опять-таки организационным путем. Устройство раскола ничего не выясняет; напротив, оно устраивает на будущее возможность партийного выяснения дела, устранив возможность совместного обсуждения и голосования, которое закрепило бы позицию большинства данной фракции и партии.

Но опять-таки, участие или неучастие, отзывание или неотозванье, ультимативное требование от депутатов подчинения партии, или отказ от такого требования — все это тогда лишь подчиненные, а не центральные вопросы партийной жизни.

в) Отношение к револ.-боевым задачам и традиции.

Здесь дважды политическая линия еще проще и очевидна. Если мы держим курс на „органическое развитие“, то для нашего поколения революционно-боевые вопросы и задачи *просто не существуют*, а связанная с ними традиция — вредный пережиток прошлого, пережиток, от которого необходимо как можно скорее отдохнуться. Тогда вся кому, кто будет говорить нам об этих задачах и вопросах, об их теоретической разработке на основе опыта нашей и других новейших революций, и о практической подготовке их разрешения к тому времени, когда оно потребуется на деле, мы вправе сказать, что он повторяет, вовсе не к месту, заученные революционные фразы, что необходимо порвать с боевизмом, который „при острой и усиливающейся реакции свелся, неизбежно свелся к авантюризму“, и т. п.*). Все это было бы тогда и уместно, и понятно, и благодарно.

Но предположим, что долгое „органическое развитие“ России есть только октябрьская мечта, не более. Пусть реакция в силах еще долго держаться — целые годы, — но еще *надо* придется сводить с ней революционные счеты. В таком случае перед нами неотвратимо встает вопрос об их подготовке, теоретической и практической: о серьезном и систематическом изучении всего, что дала в этом отношении первая революционная волна, о выяснении ошибок, недочетов и пробелов, которые тогда обнаружились в данной области, о распространении соответственных знаний среди партии и среди пролетарской массы, о поддержании уцелевших боевистских элементов в партийности и дисциплине, и о соответственном воспитании той рабочей молодежи, которая проявляет тяготение в эту сторону; об усилении пропаганды в войсках и, если возможно, о возоздании распавшихся военных организаций и т. д. Пусть всякая непосредственная выступление ненужны и вредны в годы наибольшего торжества реакции, сводясь тогда к бесплодной растрате крови и сил; но чтобы удержать от них пылкия, страстные головы, надо дать им нечто взамен: серьезное и внимательное отношение к вопросу, деловое его изучение, организационную и пропагандистскую работу, подготавлиющую разрешение его в будущем.

Очень возможно, что при нынешней слабости организаций вся работа в этом направлении сведется на ближайшее время к теоретическому и литературно-пропагандистскому выяснению вопроса. Только сами организации, сообразуясь со всеми условиями своей работы в ее целом, должны, в рамках общей партийной тактики, решать, что здесь возможно, и что в данный момент удобно. Но голое игнорирование революционно-боевой традиции, — тем более, грубый разрыв с нею могут только оказать услугу анархистам и максималистам в деле отвлечения мало сознательной, но по чувству глубоко-революционной части пролетариата от правильного, партийного пути.

Правда, тут кажется возможной еще иная тактическая позиция. Можно, повидимому, разсудить и так: реакция еще не пошла на убыль, и значит, протянется долго, наверное, еще целые годы; поэтому теперь выгоднее совсем отбросить вопросы революционно-боевого дела и военной пропаганды, — останется больше сил на другое, напр., думскую задачу; а когда мы увидим, что революция близко, тогда и вернемся к той же вопросам. И можно сослаться на прошлое: ведь „большевизм“ умел выдвинуть и боевую деятельность, и пропаганду в войсках особенно сильно в период острого и усиливающегося революционного подъема**); а теперь очередные интересы не те... Но — чтобы разсудить так, надо закрыть глаза на свое прошлое, забыть самые тяжелые, самые кровавые уроки.

Большевики, в самом деле, „умели выдвинуть“ боевую и военную задачи во время острого подъема... Ну, а сумели ли они сколько-нибудь удовлетворительно их разрешить? Кто посмеет сказать, что сумели? Винить нельзя: не могли, не успели. С начала „острого подъема“, и до момента, когда разразилось восстание, прошло всего 11 месяцев (январь — декабрь 1905 г.). Где же тут было решить труднейшие задачи о высших революционных формах борьбы? Где было подготовиться на деле к восстанию, неизбежность которого была, однако, весьма ясна! За то же время, сколько еще надо было решить других важнейших политических вопросов, которые всегда, ведь, толпой теснятся в эпохи острых кризисов.

И в результате неподготовленности, какое безсиле, какая бесплодная растрата человеческих жизней, какая унижение! Пусть поражение было неизбежно при тогдашнем соотношении общественных сил, но насколько оно оказалось тяжелее от сознания того, как дешево досталась врагам победа, как слабы и

*.) Впрочем, и тогда, из уважения к нашему прошлому, и к льющейся до сих пор человеческой крови, следовало бы воздержаться от ненужной браны, в роде „авантюризма оголтелых боевиков“ и т. п. („Прол.“, 47-48, прил.). Это больше к лицу черносотенцам и кадетам.

**) Прилож. к № 47-48 „Прол.“, стр. 2.

человеки были наши удары! Пусть геройски спились и честно умирали товарищи; но насколько мучительные воспоминания о погибших, когда мы знаем, что будущее нас побольше умных — и многие из них остались бы с нами, как полезные губотники общего дела, а многие из них нагло торжествующих врагов лежали бы теперь на их месте. И вот нам говорят: повторим все это заново; забросим вопросы жизни и смерти мы „сумеем выдвинуть их“, когда они сами вплотную наденутся на нас. Неправда ли, как это благородно?

И надо еще иметь в виду, что, в случае нового подъема, движение революционной волны, разъ уже проиденной страною, неизбежно окажется еще более стремительным, и еще быстрее придется к высшим формам борьбы. Чего же хотят те, кто находит достаточным тогда „выдвинуть задачи“, а теперь публично отрекаются от них и стараются скомпрометировать даже тех, кто об их напоминает? Хотят ли они кровью тысяч товарищев дать новую иллюстрацию к старой, всем известной истине?

Конечно, нет. Они просто неискренни, и в этом их единственный оправдание. В душах они совершенно уверены, что подготовляются-то нам совершенно не к чему, — что для нашего поколения нет и не будет революционно-боевых задач, и только для того, чтобы не обезкураживать партию, считают нужным повторять: „мы идем к новому подъему, и тогда „сумеем выдвинуть боевую деятельность и пропаганду в войсках“. Но партия не ребенок, которого надо убаюкивать, и она не будет благодарна политическим нянечкам за обман...

Надо сказать прямо и честно: держим курс на органическое развитие, а потому отвергнем, как утопию и революционную фразу, вопросы о восстании, о вооруженной борьбе.

с) Отношение к нелегальной организации.

Необходимость сохранения и развития нелегальной организации не оспаривается и теми, кто стоит на точке зрения „органического развития“. Это вполне естественно: в числе „легальных возможностей“, „созданных старой властью“, использование которых ставится как центральная задача партии, нет одной, довольно важной, — возможности легального существования партии. Но очевидно, что отношение к нелегальной организации, при различной оценке исторического момента, окажется различное в одном случае нелегальную организацию надо приспособлять к думской работе прежде всего, а затем к другим, „легальным“ задачам, подчинять ей строение и внутреннюю жизнь этим функциям; в другом случае ее надо приспособить прежде всего к нелегальным ся функциям и задачам, дум же работу и вообще работу на легальной почве подчиняя требованиям нелегальной организации.

В первом случае преобладающее значение в партии должно получать группы и организации, руководящие деятельностью ской фракции, а сам Ц. К. превращается в главную из та комиссий, — с течением же времени, когда фракция укрепится и получит некоторое политическое воспитание, неизбежен переход к ней действительного главенства в партии — вновь над партией, ибо легальная фракция при наших условиях не может сливаться с нелегальной партией. Во втором случае главная роль принадлежит местным организациям, наибольшие силы сосредоточиваются на их непосредственной пропагандистской, агитационной и т. д. работе, думская фракция „ультимативно подчиняется партийным центрам“, основная задача которых объединение и поддержка линии работы.

Соответственно различным должно оказаться и устройство местных организаций, и характер их работы, и все расположение их сил. Но это само по себе настолько ясно, что не надобности здесь изслеживать это подробнее.

Таким образом и вопрос о значении нелегальной партийной организации по существу даже не есть один и тот же вопрос при том и при другом понимании исторического момента.

2. КАК МЫ, СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ, РЕШАЛИ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ?

Формально, у нас существует обще-партийная оценка положения нашей страны, исторических перспектив, из него вытекающих. Она гласит: общественные силы не пришли к равновесию, нам предстоит пережить новый революционный кризис, на органическое развитие рассчитывать нельзя.

Нам всего важнее, конечно, не то, что эта точка зрения установлена на последней, январской конференции нынешнего года, и официальное обязательство для нас в пропаганде и агитации. Этим все не исключается возможность иметь свое мнение, и отстаивать его в политическом анализе. Но мы согласны с официальным взглядом партии, признаем его вполне обоснованным самой действительностью.

Учене исторического материализма говорит, что революционный кризис не может завершиться, пока производительные силы общества не будут в достаточной мере освобождены для дальнейшего развития от стесняющих это развитие имущественных отношений и политических форм, или не будут в достаточной мере разрушены, чтобы вновь уложиться без глубокого противоречия в ту же старую имущественную и политическую рамку. Последний случай означает, конечно, и безысходное поражение революции, неспособность данного общества к развитию, — предположение, для которого история русского народа не дала до сих пор никаких оснований, и из которого, к тому же, никакой политической линии вывести нельзя. Поэтому мы и не станем его вовсе рассматривать.

Итак, произошло ли в нашей стране такое освобождение производительных сил, которое гарантирует нормальный ход их

131

дальнѣйшаго развитія? На это въ высокой степени ясный и вполнѣ отрицательный отвѣтъ даетъ состояніе россійской промышленности, крестьянскаго хозяйства и государственныхъ финансовыхъ, а также международное положеніе государства,

О томъ, какъ обстоитъ дѣло съ россійской промышленностью, нашъ пролетарій слишкомъ хорошо знаетъ по невиданной, безпримѣрной безработицѣ, породившей даже въ статистикѣ ежедневныхъ самоубийствъ обширную новую рубрику — самоубийства безработныхъ отъ голода...

Насколько удалось крестьянству за эти годы избавиться отъ невыносимой земельной тѣсноты, о томъ свидѣтельствуютъ официальные государственные отчеты, по которымъ крестьянскій банкъ съ 1905 г. по 15 ноября 1908 г. продалъ крестьянамъ около 673 тысячъ десятинъ, тогда какъ *если* крестьянамъ крестьянского населения въ такой промежутокъ времени не меньше $\frac{2}{3}$ миллиона человѣкъ.

Государственная роспись? Послѣдняя роспись имѣетъ дефицитъ въ 481 милл. рублей. Государственный долгъ дошелъ до 11.800 милл. рублей. Проценты по немъ уплачиваются новыми займами.

А международное положеніе? Дѣло дошло до того, что французские и англійские финансисты открыто обсуждаютъ проектъ о томъ, чтобы дать новый огромный заемъ русскому правительству, но при этомъ поставить его финансы подъ контроль международнаго комитета банкировъ...

Обостряющаяся міровая конкуренція повелительно требуетъ не только того, чтобы производительные силы даннаго общества вообще развивались, но еще и того, чтобы прогрессъ ихъ шелъ ускореннымъ темпомъ, какъ въ другихъ, свободныхъ странахъ, и чтобы также ускоренно возрастило могущество ограждающей ихъ военной организациіи. Иначе страна превращается въ поле экономического, а затѣмъ, при случаѣ, и политического завоеванія для капитала другихъ странъ. Первая фазы этого процесса уже наблюдаются въ Россіи: либерально-патріотическая пресса не даромъ все время бьетъ тревогу по поводу происходящей „распродажи Россіи по частямъ“ иностраннымъ капиталистамъ, и по поводу неслыханныхъ униженій русской дипломатіи на Балканскомъ полуостровѣ и въ Персіи. Свободное развитие собственного русского капитализма при такихъ условіяхъ невозможно, и кризисъ неизбѣженъ.

О современномъ положеніи Россіи Карль Каутскій пишетъ*):
„Нового революціонного толчка я жду только отъ международной политики.“

„Царская власть обанкротилась въ финансовомъ и военномъ отношеніи. Несмотря на это, или скорѣе именно поэтому, она старается отвести глаза отъ внутренней нищеты къ вѣтшему „величию“. Къ этому приводить ее общее положеніе Европы: растущее обостреніе вражды между державами и приближеніе міровой войны. Россія оказывается между двумя вражескими лагерями: одной стороны Германія съ Австріей, съ другой — Англія съ Франціей. Россія стоитъ у стрѣлки вѣсовъ, и это придаетъ ей значение, не соотвѣтствующее ея безсилію. Прибавьте къ этому зависимость Россіи отъ французского финансового капитала, вынуждающую ее фактически вести его политику. Эта политика поставила Россію временно въ благопріятное положеніе, но она же грозитъ втянуть ее въ такія пробы силъ, которыхъ окажутся для нея роковыми. Весною Россія попала уже въ такое положеніе, изъ котораго смогла выйти только цѣною униженія. Скорѣе она можетъ попасть въ подобное положеніе снова, и подвергнуться уже не униженію, а полному разгрому.“

„Къ этому нужно быть готовымъ.“

Чѣвидно, не о „думской“ готовности идетъ здѣсь рѣчь, — не о готовности внести запросъ или выпустить оратора, но о совершенно иной. И тотъ, кто въ такую эпоху предлагаетъ держать курсъ на органическое развитіе, сдѣлать центральными задачами думскія, порвать съ революціонно-боевой традиціей, тотъ есть слѣпой вождь — не болѣе, какое бы имя онъ ни носилъ.

Большія сомнѣнія относительно будущаго революціи вызвали среди нѣкоторыхъ товарищей аграрнаго мѣропріятія Столыпинскаго правительства и специальнаго закона 9 ноября. Высказываются опасенія, что если мѣропріятія эти увѣнчаются успѣхомъ, то правительство получитъ прочную опору среди крестьянства, у революціи будетъ отнята ея главная массовая сила, и единственнымъ останется путь органического развитія. Мы полагаемъ, что эти опасенія неосновательны.

Аграрная политика правительства направлена къ укрѣплению верхнихъ, наиболѣе хозяйственныхъ слоевъ крестьянства: только они фактически въ состояніи воспользоваться весьма не дешевой распродажей земель черезъ Крестьянскій банкъ и землеустроительную комиссию, для нихъ всего выгоднѣе разрушеніе общини и семейныхъ формъ собственности. Но на эту-то часть крестьянства мы и не могли, не должны были разсчитывать, какъ на активно-революціонную. Конечно, привлекая ее на свою сторону, правительство усиливаетъ свою позицію; но, какъ это часто бываетъ въ истории, организуя реакціонную силу, оно тѣмъ самымъ организуетъ и революціонную. Граница между сельской буржуазіей и несравненно болѣе, чѣмъ она, многочисленной деревенской бѣднотой, становится рѣзче и глубже; полу-пролетарскіе и пролетарскіе слои крестьянства тѣснѣе сплачиваются благодаря этому, и яснѣе сознаютъ безысходность своего положенія при нынѣшнемъ строѣ. Разрушеніе же общинныхъ и семеинно-имущественныхъ связей имѣетъ также во многомъ развязываетъ руки, увеличиваетъ неустойчивость ихъ существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ соціальную подвижность, что можетъ только облегчать ихъ революціонное воспитаніе. Наконецъ, грубый и часто насильтственный характеръ предпринимаемой ломки старыхъ формъ деревенской жизни является могучимъ революціонизирующими средствомъ по отношению къ тѣмъ, кто на себѣ испытываетъ эту ломку. Тутъ

накопленіе революціонныхъ силъ для кризиса выигрываетъ больше, чѣмъ теряетъ.

Въ очень своеобразной формѣ даетъ оценку нынѣшняго исторического момента, какъ момента *межъ-революціоннаго*, сама старая бюрократія. Эпидемія чиновьяго воровства и грабительства пріобрѣла невиданную напряженность, при чемъ крайняя спѣшность въ дѣлѣ хищенія не оставляетъ места самой элементарной осторожности. И въ то же время растетъ эпидемія саморазоблаченій бюрократіи: то и дѣло ей измѣняютъ самые близкіе къ ея тайкамъ, самые освѣдомленные агенты, измѣняютъ скрыто или явно, давая всяческое оружіе врагамъ существующаго строя, не боясь, какъ боялись прежде, ея грозной мести. Можно ли наглядно выразить убѣжденіе въ исторической близости конца старой системы, въ ея коренной неспособности къ органическому развитію?

Крайняя правая и крайняя лѣвая сходятся въ пониманіи эпохи. А средніе элементы? Они колеблются и недоумѣваютъ, какъ это имѣ всегда свойственно. Но не у нихъ же намъ спрашивать о томъ, какъ решать спорные вопросы. А тѣмъ вождямъ, которые заблуждаются, мы сами объяснимъ, въ чёмъ дѣло.

3. КАКИМЪ СПОСОБОМЪ ЗАТЕМНЯЮТСЯ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ?

Спорные вопросы затемняются въ наибольшей мѣрѣ не тогда, когда дается невѣрное, но опредѣленное и послѣдовательное ихъ рѣшеніе, а тогда, когда дается рѣшеніе непослѣдовательное и *неискреннее*.

Если бы намъ сказали:

Россія престоитъ долгій путь органического развитія черезъ октябрьскую конституцію; *поэтому* главной и центральной задачей мы должны сдѣлать использование органовъ, созданныхъ старой властью, къ думской работѣ приспособить всю нашу нелегальную организацію, и безусловно порвать съ революціонно-боевыми традиціями, —

то все было бы тутъ просто и ясно.

Вместо того намъ говорятъ:

Россія идетъ къ новому революціонному кризису; *чтобы* его приблизить и достойно къ нему подготовиться, намъ надо сдѣлать центромъ и основою своей работы Думу, созданную старой властью, къ думской работѣ приспособить всю нелегальную организацію, и радикально порвать съ революціонно-боевыми вопросами и задачами.

Такъ учить насъ редакція „Пролетарія“. Ея посылки бываютъ въ лицо ея выводамъ.

Основную фальшиву позицію приходится всячески скрывать. Для этого надо завернуть ее въ возможно большее количество частныхъ соображеній, и даже просто словъ, — въ массу полемическихъ приемовъ, искажающихъ точку зреінія противниковъ, въ усиленное разрисовываніе ихъ врагами парламентаризма, „оголтелыми боевиками“, „богостроителями“, устроителями новыхъ фракцій, и т. п., и т. п.

Сдѣловать за всей этой механикой здѣсь для насъ нѣть возможности: у насъ, вѣрныхъ знамени большевиковъ, не имѣется органа, гдѣ мы могли бы детально разоблачать тактику официальныхъ лидеровъ, измѣнившихъ этому знамени. Да и не такъ уже это важно. Во всякомъ случаѣ, утаить въ мѣшкѣ шило редакціи „Пролетарія“ не удается, она то и дѣло разоблачаетъ свою основную неискренность.

Такъ, она съ выраженіемъ горячаго сочувствія и полной солидарности перепечатала изъ „Рабочаго Знамени“ статью, гдѣ доказывается, что у насъ *есть конституція*, а именно вполнѣ опредѣленная, октябрьская.*). Что означаетъ: „у насъ есть конституція“? Что въ нашей странѣ имѣется *установившееся и оформленное соотношеніе общественныхъ силъ*, изъ которого должны *органически исходить* дальнѣйшія фазы политического развитія. Не мудрено, что Милуковъ могъ въ Англіи вообразить себя лидеромъ всей русской оппозиціи, когда его знаменитое заявленіе: „у насъ, слава Богу, есть конституція“ нашло себѣ сочувственный откликъ на столбахъ „Пролетарія“.

Или вотъ другой примѣръ. Вспоминая сдѣланное Максимовымъ и другими бойкотистами въ юлѣ 1907 года на конференціи предсказаніе, что при законѣ 3-го юна и усиливающейся реакціи не удастся создать достойное партіи парламентское представительство, Ленинъ пишетъ:

„Рекомендовать „инструкторскія школы“ и „усиленіе пропаганды въ войскахъ“ при „острой и усиливающейся реакціи“ — и въ то же время отрицать *возможность* для партіи имѣть достойное парламентское представительство, это значитъ говорить наглядныи несообразности, достойныи для помѣщенія въ сборникъ логическихъ нелѣпостей для учениковъ низшихъ классовъ гимназіи“.<**)

Совершенно очевидно, что тутъ для затемненія вопроса смѣшаны воедино несознѣмимыя вещи: нелегальная и конспиративная работа, напримѣръ, военной пропаганды, которая ни отъ какихъ избирательныхъ законовъ не зависитъ, и парламентское представительство, которое *прежде, всего* опредѣляется характеромъ избирательного закона. Почему у насъ проходить въ Думу Чиликинъ, Кузьмо и Гайдаровъ, въ лучшемъ случаѣ политически неопытный и неустойчивый Покровскій, а не тов. Ленинъ, тогда какъ у нѣмцевъ въ эпоху исключительныхъ законовъ проходилъ Бебель? Прежде всего потому, что у насъ архи-цензовый законъ 3-го юна, а тамъ было всебѣшнее избирательное право. А если *сознѣмъ* отнимутъ рабочую курію, неужели и тогда будетъ „логической нелѣпостью“ отрицать „возможность достойнаго представительства“? И значитъ ли это, что тогда пропаганду въ войскахъ надо прекратить окончательно и безусловно? Кто же тутъ говоритъ „наглядныи несообразности“?

*.) „Пролетарій“, № 39.

**) Прил. къ „Пролетарію“, № 47-48, стр. 1.

*) Въ своемъ „Письмѣ къ партійной школѣ Р. С.-Д. Р. П.“

Но все это становится гораздо менее неизбежнымъ, если мы поимемъ *скрытую* предпосылку разсуждения. Посылка же эта гласитъ: конституция у насъ, слава Богу, есть, и, следовательно, права посыпать Чиликина и Гайдарова у насъ ни въ какомъ случаѣ не отнимутъ, — октябрьсты не позволять, ибо конституция то ихняя; скорѣе даже напротивъ, путемъ органическаго развитія мы достигнемъ права посыпать еще кого-нибудь, если не Ленина, то Соколова, и т. д.

...Напригая всѣ силы, — говоритъ тамъ же Ленинъ, — мы рѣшимъ (и мы уже начинаемъ рѣшать) задачу революціонно-соц.-дем. использования З-й Думы...“

Вотъ вы и сообразите, читатель: З-я Дума работаетъ *два года*, и мы „уже начинаемъ рѣшать“ задачу ея использования. Когда же это, примѣрно, мы на дѣлѣ *рѣшили* задачу, и „начнемъ“ настоящее использование? Не ясно ли, что Ленинъ разсчитываетъ на весьма длительные періоды, если не геологические, то выходящіе изъ рамокъ дѣятельности нынѣшняго политического поколѣнія? Но это и надо сказать прямо, а не смутными намеками. Тогда постановка спорныхъ вопросовъ была бы открытая и прямая, ихъ обсужденіе и рѣшеніе — несравненно легче и проще, чѣмъ теперь.

Изъ приведенного сейчасъ примѣра видно, что Ленинъ подъ „использованіемъ“ З-й Думы подразумѣваетъ не то, что дѣлаются и дѣлаются — хотя, конечно, очень плохо, — до сихъ поръ, а нѣчто особенное и грандиозное, къ чему мы еще только „начинаемъ“, или даже еще не начали приступать, о чёмъ еще только „начинаемъ рѣшать вопросъ“. Ясно, какія преувеличенныяожиданія кроются въ этомъ настроеніи; съувѣренностью можно сказать, что третья-думская работа ни въ какомъ случаѣ ихъ не оправдываетъ. Хорошо, если удастся сколько-нибудь значительно ее улучшить; но даже при самомъ серьезномъ успѣхѣ въ этомъ смыслѣ, сна все равно останется лишь одною — и не главною — изъ частей обще-партийной работы.

Во всякомъ случаѣ, пока думская работа существуетъ, и партія находить ее нужной, партійная организація должны ей оказывать реальную и энергичную поддержку. Единство партійного дѣйствія важнѣе всякихъ частныхъ разногласій. Въ моментъ дѣйствія и особенно въ самомъ дѣйствіи не время и не мѣсто заниматься критикою партійныхъ рѣшеній, которая вполнѣ умѣстна и законна во всякихъ другихъ случаяхъ. Мы всегда стояли на этой точкѣ зреінія. Когда партія рѣшила принимать участіе въ З-й Думѣ, то большевики-бойкотисты самымъ активнымъ образомъ вступили въ избирательную кампанію; а популярная рабочая газета „Впередъ“, которая редактировалась бойкотистомъ Максимовымъ подъ контролемъ комиссіи изъ рабочихъ — также въ большинствѣ бойкотистовъ, призывала къ участію въ выборахъ. Не можетъ и не должно быть иной точки зреінія нынѣшніхъ „ультиматистовъ“, которые настаиваютъ на строгомъ подчиненіи думской фракціи партійнымъ рѣшеніямъ, — ибо партійная дисциплина, конечно, одна для всѣхъ.

Мы говоримъ это по поводу той крайне ошибочной резолюціи, которая, по словамъ „Пролетарія“ (№ 49) была принята въ Петербургѣ передъ послѣдними выборами Исполнительной Комиссіей, и которая, приблизительно, гласила: подчиняясь партіи, мы въ выборахъ участвуемъ, но считая думскую работу вѣщью второстепенной, особенно тратить энергию на это дѣло не намѣрены. Съ такими резолюціями не приступаютъ къ партійному дѣлу, хотя бы самому второстепенному. Но надо прибавить, что тѣ три товарища, которые — очевидно, въ силу нѣкоторой политической неопытности, — приняли эту резолюцію, сами, по словамъ того же „Пролетарія“, поняли свою ошибку, и отъ резолюціи отказались. Ясное дѣло, что „ультиматизмъ“ самъ по себѣ въ этой ошибкѣ не при чемъ, напротивъ, она есть уклоненіе именно отъ его точки зреінія — строгой дисциплины и единства дѣйствія.

Это, однако, не помѣшало редакціи „Пролет.“ воспользоваться даннымъ фактомъ опять-таки для затмѣнія дѣла. Она говоритъ: вотъ видите, куда ведетъ ультиматизмъ, — когда надо итти на выборы, эти люди заявляютъ, что особенно стараться не стоитъ, такъ какъ Дума дѣло второстепенное. Пріемъ, примѣненный здѣсь редакціей, уже не ошибка, а нѣчто иное. Пользуясь тѣмъ, что неопытные люди въ моленіи дѣйствія занялись критикой и оцѣнкой партійной тактики, редакція требуетъ, чтобы товарищи вообще отказались отъ этой критики и оцѣнки. Но догматъ о непогрѣшимости разъ принятыхъ партіей рѣшеній наши товарищи, мы надѣемся, не усвоютъ. Такой догматъ хуже всякаго „богостроительства“, дѣйствительного или мнимаго.

Именно теперь, когда выборы въ Петербургѣ закончились, можно и слѣдуетъ опять подводить итоги, оцѣнивать, разбирать сдѣланное. И намъ кажется, что теперь опять время сказать: думская работа не можетъ и не должна играть центральной роли въ партійной жизни; обѣ этомъ свидѣтельствуютъ и результаты выборовъ. На лицо фактъ: за „львый блокъ“ съ с.-д. кандидатомъ подано голосовъ въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ на выборахъ въ ту же З-ю Думу въ 1907 г. (тамъ было около 11.000 голосовъ, здѣсь — 4.600); а относительное число „львыхъ“ голосовъ убавилось на четверть (19,2% вместо 24,8%). Значить ли это, что „львый“ избиратель удовлетворенъ современнымъ положеніемъ? Конечно, нѣтъ. Но онъ не можетъ проникнуться энтузиазмомъ къ треть-думской работе; эта работа, послѣ двухъ лѣтъ, не стала все-таки центромъ общественного вниманія для „львыхъ“ избирателей, и въ томъ числѣ для с.-д.-овъ. Партия слѣдуетъ вести думское дѣло, разъ она его начала и вела до сихъ поръ; — но слѣдуетъ также опредѣлить разумно и точно его мѣсто и значеніе среди партійныхъ задачъ. Если это „ультиматизмъ“, то мудрено не быть „ультиматистомъ“.

Бакинскій Комитетъ вынесъ по поводу большевистскихъ дѣлъ резолюцію, которую во многомъ слѣдуетъ привѣтствовать: она проникнута духомъ партійности, направлена противъ раскола, требуетъ рѣшенія вопроса конференціей. Но посмотрите, что тамъ написано объ „ультиматизмѣ“:

„Ультиматизмъ, какъ постоянное напоминаніе думской фракціи о партійной дисциплинѣ, — не составляетъ никакого теченія во фракціи б-ковъ... Т. е. „ультиматизмъ“ въ этомъ случаѣ неизбѣжнѣ для действительныхъ большевиковъ. Мысль вполнѣ вѣрная. Но дальше:

„Поскольку же онъ старается занять положеніе особаго теченія, ограничивающагося демонстраціей правъ Ц. К. по отношенію къ думской фракціи, онъ есть худший видъ отзовизма“.

Но вѣдь дѣло то именно въ томъ, что „старается“ сдѣлать его такимъ особымъ теченіемъ только редакція „Пролет.“, а онъ на это какъ разъ и не согласенъ!

Затѣмъ, Бак. Ком., протестуя противъ поведенія редакціи, „равно протестуетъ противъ поведенія т. Максимова, заявившаго о неподчиненіи рѣшеніямъ редакціи... Гдѣ же, однако, вычитали товарищи бакинцы о неподчиненіи Максимова „рѣшеніямъ“? Онъ заявилъ, что не подчинится одному, опредѣленному *решенію* — о расколѣ фракцій. Но этого рѣшенія не хотятъ признавать и сами товарищи бакинцы! Противъ чего же они протестуютъ?

Да, несомнѣнно, что редакціи „Пролетарія“ до нѣкоторой степени удается таки затемнить дѣло... Но мы думаемъ, что это не надолго.

4. ВОПРОСЫ БЕЗСПОРНЫЕ. ПРОПАГАНДА.

Первый изъ нихъ — это вопросъ о расширѣніи и углубленіи соціалистической пропаганды.

Еще во время первой революціонной волны мѣстная организація много разъ обращались къ партійнымъ центрамъ съ указаніями на необходимость выработать основы для новой, болѣе глубокой чѣмъ прежде, постановки соціалистической пропаганды. Центрально-областной районъ особенно настаивалъ на этомъ, констатируя, что на дѣлѣ пропаганда имѣла на девять десятыхъ демократически-революціонный, а не соціалистический характеръ.

Ходъ революціи съ очевидностью показалъ, насколько необходимо для успеха пролетарской борьбы образование среди рабочей массы прочного ядра изъ людей съ серьезнымъ и цѣльнымъ соціалистическимъ воспитаніемъ, которые увѣренно и твердо могли бы примѣнять чисто-соціалистическую точку зреінія во всѣхъ новыхъ и сложныхъ политическихъ положеніяхъ. Реакція еще подчеркнула насущность этой задачи: партійная интеллигенція, въ существѣ своемъ большей частью лишь демократическая, вовлеченная въ партію лишь революціоннымъ возбужденіемъ, подъ гнетомъ реакціи бѣжала изъ партіи, и руководящая работа стала быстро переходить въ руки самихъ рабочихъ; потребность въ систематической и всесторонней подготовкѣ, въ цѣлостномъ, дающемъ опору для всяческой ориентировки, соціальномъ мировоззрѣніи, стала еще быстрѣе прежняго ощущаться въ партійной рабочей средѣ.

Задача эта сама по себѣ шире вопроса о россійской революціи, обѣ ея вѣроятныхъ судьбахъ, и потому его рѣшеніе въ ту или другую сторону здѣсь ничего существенного измѣнить не можетъ. Если демократическая революція погребена въ Россіи, то намъ надо направлять работу къ иной, болѣе глубокой революціи — соціалистической; и при этомъ, конечно, воспитаніе сознательныхъ рабочихъ соціалистовъ должно выдвинуться на первый планъ, тѣмъ болѣе, что въ будничной экономической и мелкополитической работе скрыта опасность суженія кругозора, и уклоненія отъ всякаго революціоннаго идеала въ сторону компромиссовъ и поверхностнаго практицизма. Если предстоитъ новая революціонная волна въ относительно близкомъ будущемъ, то надо спѣшно вырабатывать соціалистическихъ рабочихъ вождей для массового движения, чтобы направить его грандиозную силу по пути наиболѣе выгодному для дальнѣйшей борьбы за соціализмъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ значеніе углубленной соціалистической пропаганды остается одинаково огромнымъ, одинаково неотложнымъ въ партійной работе.

Прямые практическіе выводы: надо создать новую пропагандистскую литературу, болѣе высокаго типа, чѣмъ существовавшая до сихъ поръ, литературу, универсально и стройно обрисовывающую научное соціалистическое мировоззрѣніе въ связи съ русской дѣйствительностью; и надо выработать также болѣе высокій типъ пропаганды устной, въ формѣ, приблизительно, рабочихъ партійныхъ университетовъ. Оспаривать все это можно было бы только съ одной точки зреінія: если считать, что для развивающагося рабочаго движения въ Россіи достаточно той дюжины вождей-интеллигентовъ, которая уцѣльла среди реакціи, что *нежелательно*тратить партійныя силы на планомѣрную подготовку руководителей для работы изъ самыхъ рабочихъ. Кто держится такого взгляда, тотъ пусть его выскажетъ открыто; до сихъ поръ никто еще не посмѣлъ сдѣлать этого.

Но на дѣлѣ отношение къ данному бесспорному вопросу весьма различное. Пусть за себя говорять факты:

Партійная организація, наиболѣе сильная изъ всѣхъ по своимъ материальнымъ и литературнымъ средствамъ, — именно, большевистскій центръ, — за полтора съ линіи года своей заграницей работы не издала ни одной пропагандистской, не только книги, но хотя бы брошюры. Когда же ініциатива мѣстныхъ организацій и отдѣльныхъ товарищескихъ привела къ созданію высшей партійной школы для рабочихъ, — тотъ же большевистскій центръ не только не поддерживаетъ этого предпріятія, но ведетъ противъ него самую ожесточенную борьбу, организационную и литературную, начиная съ отказа напечатать первое обращеніе ініциаторовъ къ партії, кончая такими агитационными пріемами, какъ печатное сравненіе школы съ Ерогинскимъ общежитіемъ.

Предлоги для нападеній выставляются такие, что школа эта устроена, яко-бы, отзовистами и богостроителями, которые посредствомъ нея организуютъ „новую фракцію“. Но не говоря о завѣдомой невѣрности подобныхъ утверждений, — которая ясна для всѣхъ, знакомыхъ съ литературной и партійной дѣятельностью лекторовъ школы и съ составомъ слушателей, — остается, вѣдь, тотъ очевидный и несомнѣнныи фактъ, что, ведя борьбу противъ

данной, уже работающей школы, большевистский центр и не думаетъ взамънъ ея или въ противовѣсъ ей устраивать школу „истинно-партийную“, или „истинно-большевистскую“. Значитъ, та пропагандистская задача, во имя которой создалась школа, для большевистского центра совершенно чужда и безразлична, — онъ готовъ удовлетвориться простымъ разрушениемъ школы.

Мы хотѣли бы думать, что такой образъ дѣйствій вызванъ только слѣпымъ увлечениемъ борьбы, а не сознательнымъ стремлениемъ горстіи партійныхъ интеллигентовъ оставить за собою монополію руководства въ партіи, не страхомъ передъ „конкурренціей“ со стороны свѣжихъ силъ, выдвигающихся изъ самаго профлориата...

Такъ или иначе, но съ большевизмомъ данная позиція не имѣетъ ничего общаго. И не только потому, что она вообще вредна и неразумна. Нѣтъ, кромѣ того, она стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ основной идеей большевизма.

Большевизмъ не простое политическое явленіе, но соціально-культурное. Онъ впервые сумѣлъ и посмѣлъ поставить задачу политической гегемоніи пролетаріата надъ буржуазными классами въ буржуазно-демократической революціи, въ дѣлѣ освобожденія буржуазнаго общества. Но для тѣхъ, кто понимаетъ, какъ органически нераздѣльна политика съ другими сторонами идеологической жизни общества, вырастающими на одномъ съ нею соціальномъ основаніи, было бы неестественно и странно мыслить пролетаріатъ способнымъ къ гегемоніи политической, не признавая для него возможности гегемоніи обще-культурной. Это — скрытая предпосылка большевизма, это идея созданія теперь же, въ рамкахъ нынѣшняго общества, великой пролетарской культуры, болѣе сильной и стройной, чѣмъ культура слабѣющихъ буржуазныхъ классовъ, неизмѣримо болѣе свободной и творческой.

Кто не понимаетъ и не признаетъ этой задачи, тотъ не большевикъ, а человѣкъ, мыслящий клочками и кусочками, помѣщающій въ одномъ ящикѣ своей головы политику, въ другихъ, — науку, философию, литературу... Мы же открыто провозглашаемъ эту задачу, сознавая всю ея трудность и грандіозность, но уверенные въ томъ, что мы выражаемъ завѣтное стремленіе всего борющагося, всего революціоннаго пролетаріата.

Мы, старые большевики, беремъ старый лозунгъ: „Освобождение рабочихъ должно быть дѣломъ салихъ рабочихъ“, и говоримъ: да! освобождение политическое и культурное — въ первую очередь, для борьбы за полное освобождение, за соціалистической идеаль!

5. ВОПРОСЫ БЕЗСПОРНЫЕ. ДОСТОИНСТВО ПАРТИИ.

Этотъ бесспорный вопросъ приходится формулировать такъ: представляютъ ли изъ себя рабочіе — члены партіи — людей политически взрослыхъ и отвѣтственныхъ, которые могутъ сами судить о своихъ дѣлахъ, или — темныхъ людей, подчиняющихся руководству той интеллигентской группы, которая сумѣеть помѣститься поближе къ нимъ? Цѣлый рядъ фактовъ и печатныхъ заявлений говорить о томъ, что и по такому вопросу въ высшихъ кругахъ партіи существуютъ глубокія недоразумѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ острѣе и глубже интересовать товарищей-членовъ партій, чѣмъ сохраненіе или разрушеніе единства ихъ организаций, партійной или идейной? По какому вопросу въ большей мѣрѣ обязательно спросить ихъ мнѣнія? И вотъ, такой вопросъ рѣшается безъ нихъ. Административная и литературная комиссія большевистской фракціи, выбранная два года тому назадъ для постояннаго объединенія большевистской работы, объявляетъ по собственнымъ соображеніямъ расколъ этой фракціи, пытается исключить изъ нея цѣлые значительные оттѣнки, и желая безповоротно закрѣпить совершающееся преступленіе, открыто заявляетъ, что „никакія конференціи, никакіе съѣзды въ мѣрѣ“ не заставятъ ее измѣнить сдѣланное.*)

Но кто же тогда хозяинъ въ партіи, въ ея идеиныхъ теченіяхъ? Какого мнѣнія эти люди о васъ, товарищи рабочіе?

Стадо барановъ пастухъ можетъ по своему произволу раздѣлить на двѣ части, чтобы погнать одну направо, другую налево... Но человѣческую, пролетарскую организацію?

И такой взглядъ проводится систематически. Проводится уже въ совершенно неприкрытой формѣ. Посмотрите сами.

Вы знаете, что 2-3 года тому назадъ, когда темные крестьяне разныхъ захолустій выбрали въ Гос. Думу почти такихъ же темныхъ, какъ они сами, депутатовъ, то черносотенцы, чтобы удержать за собою голоса этихъ мужиковъ, устроили для нихъ особое общежитіе, и тамъ держали ихъ старательно вдали отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы дать имъ знанія и разъяснить положеніе Россіи.

Вы знаете также, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ цѣлый рядъ партійныхъ организаций выбиралъ сознательныхъ рабочихъ представителями въ партійную школу, гдѣ лекторы соціаль-демократы, по сообща съ ними выработанной программѣ, излагаютъ имъ знанія, необходимыя для того, чтобы полно овладѣть партійной работой.

Теперь въ офиціальной партійной газетѣ „Пролетарій“, въ редакціонной статьѣ цѣлыхъ страницы заняты сравненіемъ партійной школы сознательныхъ рабочихъ съ Ерогинскимъ общежитіемъ безсознательныхъ мужиковъ!

Товарищи-рабочіе! за кого васъ принимаютъ? И допустите ли вы такое офиціальное презрѣніе къ вашему пролетарскому и партійному достоинству?

6. ЧЕГО ОНИ ХОТЯТЬ?

Вы видите, что въ бѣшеномъ увлечениѣ борьбы тутъ забываются и извращаются самыя элементарныя истины революціоннаго пролетарскаго міровоззрѣнія. Изъ-за чего же все это?

Васъ старатся увѣрить, что старый большевизмъ самъ собою распался, что изъ него выдѣлилась и обособилась новая фракція

„отзовистовъ, ультиматистовъ, богостроителей“, что этотъ расколъ дѣло рѣшенное и поконченное. Вамъ десятки и сотни разъ повторяютъ: „новая фракція“, „выдѣлилась“, „отколась“, „новый центръ“ и т. д., безъ конца. Силою упорного повторенія хотятъ сдѣлать такъ, чтобы для васъ ложь стала истиной.

Ибо на самомъ дѣлѣ эти утверждения — ложь, и — намъ грустно констатировать это — завѣдомая, сознательная ложь.

Нѣсколько человѣкъ вашихъ представителей въ исполнительной коллегіи — больш. центрѣ — живущихъ за границею, пришли къ заключенію, что надо радикально измѣнить прежнюю большевистскую оцѣнку переживаемаго исторического момента, и держать курсъ не на новую революціонную волну, а на долгій періодъ мирнаго, конституціоннаго развитія. Это сблизило ихъ съ правымъ крыломъ нашей партіи, товарищами меньшевиками, которые всегда, независимо отъ оцѣнки политического положенія, тяготѣли къ легальнымъ и конституціоннымъ формамъ дѣятельности, къ „органической“ работе и „органическому“ развитію. Но это же самое привело ихъ къ разногласіямъ съ тѣми большевиками, которые въ наблюдавшейся реакціи не видѣли достаточныхъ основаній для такой перемѣны фронта.

Товарищи, повернувшись къ меньшевикамъ, рѣшили, что они не могутъ работать со старыми большевиками. Но они знали, что расколы легко устраивать только въ заграниценныхъ группахъ, предвидѣли, что мѣстная организація раскола не захотятъ, и рѣшили сдѣлать такъ, чтобы расколъ для мѣстныхъ организацій явился уже совершившимся и непреложнымъ фактамъ. Имѣя большинство въ исполнительномъ органѣ фракціи, они объявили расколъ изъ за-границы, и стали усиленно пропагандировать его въ офиціальной газетѣ. Никакой конференціи, никакого съѣзда они рѣшили не допускать, пока расколъ не укоренился настолько, что устранитъ его будеть невозможно.

Но дѣлать расколъ за спину тѣхъ, кого онъ больше всѣхъ касается, за спину самихъ организацій, нельзя не прибѣгая къ обману. Отсюда, прежде всего, та нѣискренность, которую мы видѣли выше: повторяются фразы о новой революціонной волнѣ, къ которой идетъ Россія, — и намѣчаются тактика, исходящая изъ новой основы. Увѣряютъ, что отъ большевизма отколась какая-то новая фракція, непостижимо опредѣляемая отношеніемъ, одновременно, къ Богу и къ З-ей Думѣ, — и на дѣлѣ измѣняются даже самимъ безспорнымъ идеямъ большевизма. Сочиняютъ невѣроятные романы о происхожденіи партійной школы, извращающа ваясь въ этой лжи и дрязгахъ, теряютъ всякую способность къ партійно-полезной работе. Сознаютъ, что они нарушили всякія права и превысили всякія полномочія, — и въ оправданіе стараются убѣдить себя и другихъ, что партія — стадо, нуждающееся въ рѣшительномъ пастухѣ, собраніе людей, съ которыми можно справляться такъ, какъ Ерогинъ съ темными черносотенными мужиками. Но при всемъ томъ — боятся, боятся встрѣчи съ товарищами на суворенныхъ собраніяхъ съѣздовъ или конференцій, и заранѣе кладутъ на себя заклятіе — не подчиняться никакимъ съѣздамъ и конференціямъ, если они не признаютъ устроенного ими раскола.

И эти люди, которые такъ судорожно мечутся, злобно ругаются и потеряли до такой степени душевное равновѣсіе, — хотятъ быть „руководителями“ партіи, быть ея хозяевами?

Полно, никогда мы съ вами этому не повѣримъ, товарищи-рабочіе.

* * *

Что же дальше?

Большевизмъ по-прежнему существуетъ. Онъ живетъ не въ заграниценныхъ кружкахъ, не въ политически-больныхъ людяхъ, подавленныхъ и разбитыхъ жестокой реакціей; онъ живетъ въ стойкомъ и здоровомъ пролетарскомъ движении, которое организуется, а не раскалывается.

Спорные вопросы могутъ рѣшаться такъ или иначе, — большевизмъ остается безспорнымъ, ибо онъ есть самое высокое, самое революціонное пониманіе пролетарскихъ задачъ и пролетарскаго идеала. Кто не можетъ понять этого, тотъ пусть не произносить великаго слова, кровью рабочихъ вписанного въ страницы нашей исторіи, — тотъ пусть уйдетъ съ дороги.

Товарищи, намъ предстоитъ грандіозное дѣло, политическое, культурное, соціальное. Было бы позоромъ для насъ, если бы отжившіе, побѣжденные невзгодой вожди помѣшили намъ его исполнить. Но это невозможное, нелѣпое предположеніе.

Мы пойдемъ по своему пути, согласно старому лозунгу — „съ вождями, если они этого хотятъ, безъ нихъ — если не хотятъ, противъ нихъ — если будутъ противодѣйствовать“. Дѣло наше есть дѣло коллектива, а не отдельныхъ личностей.

Общими силами, мы выполнимъ его.

Н. Максимовъ.

Къ исторії партійной школы.

Въ приложении къ № 47-48 „Пролет.“ тов. Инокентіевъ, опровергая какихъ-то „ораторовъ“, говорившихъ на какомъ-то собраниі Парижской группы, и загадочнымъ образомъ припугивая мое имя, тогда какъ я означеннѣхъ ораторовъ не слыхалъ и не знаю, что и почему они говорили, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія, требующія, говоря его словами, „гласнаго разъясненія“.

„Организаторы „партійной школы въ NN“ никогда не предлагали редакціи „Пролет.“ взять дѣло въ свои руки. Не было рѣчи ни объ участіи редакціи, ни о контролѣ съ ея стороны, ни даже просто увидаленія о томъ, что школа въ NN проектируется или организуется. Съ самого начала N-скій кружекъ дѣйствовалъ помимо редакціи, скрыто и пропивъ нея...“

Чтобы оцѣнить искренность этого „опроверженія“, достаточно сопоставить подчеркнутыя мною въ немъ мѣста со слѣдующимъ мѣстомъ изъ редакціонной статьи въ томъ же самомъ приложении къ № 47-48 (стр. 6).

*) „Прол.“, 47—48, Прилож., стр. 8.

„Въ редакції „Пролет.“ были двѣ бумажки обѣ этой школъ... Первая бумажка была вовсе не подписана, абсолютно никъмъ не подписано, — просто разсужденіе о пользѣ просвѣщенія и о пропагандѣ значеніи учрежденій, называемыхъ школами. Вторая бумажка была подписана подставными лицами...“

Какъ видите, одно и то же Освѣдомительное Бюро выпустило два опроверженія, взаимно опровергающихъ другъ друга, и такимъ образомъ опровергло слишкомъ много... О тов. Инокентьевѣ послѣ этого говорить больше нѣть надобности. Что же касается заявленія, печатнаго и анонимнаго, о „подставныхъ лицахъ“, то я, при всемъ моемъ отвращеніи къ рѣзкимъ дѣйствіямъ, вынужденъ печатно, но не анонимно назвать означенное заявленіе ложью и клеветой...

Затѣмъ для устраненія дальнѣйшихъ фактovъ въ томъ же стилѣ, считаю необходимымъ сообщить слѣдующія документально установленныя данныя относительно истории основанія N-ской партійной школы.

1. Въ сентябрѣ 1908 года, тов. Алексинскій и другіе члены Женевской группы представила въ ред. „Пролет.“ уже болѣе или менѣе выработанный проектъ такой школы; — для начала, въ ея слушатели предполагалось взять заграничныхъ рабочихъ, обязывающихъ потомъѣхать въ Россію на работу, но притомъ такихъ, за которыхъ ручались бы мѣстные организации. Авторы плана просили у редакціи материальной поддержки и идеяного руководства. Ни того, ни другого они не получили. Дѣло было все же начато, въ минимальныхъ размѣрахъ, но быстро заглохло.

2. Затѣмъ, когда, ознакомившись черезъ менѣа съ этимъ проектомъ, т. Горькій и т. Михаиль рѣшили употребить всѣ усилия для его выполненія, то составленное т. Михаиломъ обращеніе къ организаціямъ по поводу школы было мною, въ февралѣ 1909 г., передано черезъ т. Марата въ ред. „Пролетарія“ съ сообщеніемъ именіи автора и съ просьбою о напечатаніи. Редакція обращенія не напечатала; но также и не возвращала его автору, когда онъ, узнавъ обѣяя неблагопріятномъ отношеніи къ проекту, сталъ черезъ менѣа требовать рукопись обратно. Послѣ многократныхъ требованій, рукопись удалось черезъ т. Марата выручить лишь 6-го апрѣля. Но раньше, чѣмъ отдать рукопись, редакція сняла съ нея копію, какъ было выяснено на засѣданіи редакціи въ половинѣ мая.

Обращеніе т. Михаила оканчивалось такъ: „За границею имѣются теоретики партіи, хорошо оборудованные библіотеки, издаются партійные органы — на лицо какъ разъ всѣ условія для созданія школы. 3—4 мѣсяца занятій рабочаго съ опытными руководителями сразу дадутъ партіи хорошаго работника, способнаго поставить дѣло на ноги. Непремѣннымъ условіемъ правильной постановки школы должно быть слѣдующее положеніе: только организація имѣетъ право посыпать рабочихъ въ такую школу. Этому условію мы придаємъ очень серьезное значеніе, какъ одинаково обязывающему къ продуктивнымъ занятіямъ учителей и учениковъ. Строгая отчетность передъ рабочими въ своихъ дѣлахъ — вотъ гарантія безошибочности.“

„Въ заключеніе, мы просимъ товарищѣй сейчасъ же отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Какія требованія къ такой школѣ ставить организація, т. е. какого характера работниковъ она желала бы видѣть выпущенными изъ этой школы. агитатора, организатора, пропагандиста, работника по профессиональному или аграрному движению?

2) Есть ли у нея на примѣтѣ товарищи-рабочіе, которыхъ она сможетъ послать въ партійную школу?

Желательно, чтобы организація резолютивно закрѣпили свое отношеніе къ проекту организаціи партійной школы и копію прислали намъ“.

Эту „бумажку“ „Пролетарій“ называетъ „разсужденіемъ о пользѣ просвѣщенія“. Не всякое Освѣдомительное Бюро такъ точно и такъ... остроумно.

Во всякомъ случаѣ, благодаря образу дѣйствій редакціи „Пролетарія“ выполненіе самаго дѣла замедлилось на полтора мѣсяца. Попытка вести его черезъ редакцію не удалась. Что оставалось инициаторамъ? Только одно: вести его инымъ путемъ — непосредственно обратившись въ мѣстные организации. За подписью тт. Горькаго и Михаила было послано въ Россію новое обращеніе. Центр. Областное Бюро утвердило школу, за нимъ рядъ районовъ Москвы и другихъ организацій.

Тогда опять выступила редакція „Пролетарія“, и повела энергичную агитацию противъ начатаго дѣла, не предлагая ничего взамѣнъ... Въ своей резолюціи — письмѣ къ Московскому Комитету она пишетъ обѣ „очевидной“, исключительно тѣсной связи проектируемой школы съ элементами, проповѣдующими богостроительство и поддерживающими такую проповѣдь“, ни словомъ не поясняя, откуда она взяла это, — и заранѣе „признаетъ долгомъ своимъ заявить, что ни за большевистскій, ни за марксистскій вообще характеръ школы она не ручается“.

По поводу этого заявленія послѣдовалъ протестъ въ редакцію со стороны т. Михаила, какъ одного изъ инициаторовъ школы, а также мой протестъ. Редакція борьбу продолжала и продолжаетъ до сихъ поръ, когда школа уже работаетъ, и изъ рукъ инициаторовъ перешла въ руки Совѣта — соединенной коллегіи выбранныхъ организаціями слушателей и утвержденныхъ ими лекторовъ.

Ясно, что обращаться въ ред. „Пролетарія“ за „утвержденіемъ“, когда она заранѣе заявила о своемъ „неручательствѣ“, инициаторы школы не могли, — это было бы нелѣпостью. Переговоры вообще стали возможны только для нового состава школьнай организаціи, для ея Совѣта. Однако и тутъ ничего не получалось, кроме „бумажекъ“, болѣе или менѣе грозныхъ, но совершенно не дѣловыхъ.

Редакція „Пролетарія“, которая съ самаго начала замедлила осуществленіе школы, теперь старается ее дискредитировать съ одной стороны; запугать или дезорганизовать — съ другой. Нечего сказать, положительная работа! Въ этомъ дѣлѣ они теперь

могутъ поздравить себя — и действительно поздравляютъ — съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Ихъ благородная усиливаетъ разладъ во внутреннюю жизнь школы. Нѣсколько слушателей унизились до того, что стали писать въ редакцію „Пролетарія“ письма, представляющая наивную копію его статей о школѣ, и порвали со школою.

Редакція „Пролетарія“ сдѣлала изъ этихъ писемъ такие выводы, которые нельзя назвать иначе, какъ грязными: о систематическомъ обманѣ партіи со стороны лекторовъ, о „нашептываніяхъ“ на ухо слушателямъ, о прикрываніи мелко-фракціонной агитацией именемъ лекцій и т. п. Самыи авторы писемъ не могли равнодушно отнестись къ той массѣ грязи, которую вылила на школу по случаю ихъ писемъ редакція, и въ послѣднемъ своемъ заявлении въ школу говорятъ:

„Отвѣтственности за выводы редакціи „Пролетарія“ изъ нашихъ писемъ мы на себя взять не можемъ. Мы отвѣчаемъ передъ партіей только за свои сообщенія, не больше. А во всѣхъ своихъ сообщеніяхъ мы никогда не заявляли организаціямъ, а также Б. Ц., о фракціонномъ направлении лекцій. Наоборотъ, мы признавали и признаемъ полезными и необходимыми для нась всѣ знанія, которыя получаются изъ лекцій лекторовъ школы“.

Это заявляютъ всѣ пять корреспондентовъ „Пролетарія“, притомъ вовсе не отказываясь отъ своей позиціи по существу. А въ чемъ заключается ихъ позиція?

Номеръ за номеромъ слушатели читали невѣроятныя выходки „Пролетарія“ по адресу школы и лекторовъ. Нѣть ничего страннаго, что они пожелали въ свободное время выслушать другую сторону, и пошли на чтеніе моей статьи, здѣсь напечатанной, „Не надо затемнять!“ По прочтеніи статьи, нѣкоторые изъ слушателей заявили, что, по ихъ мнѣнію, индивидуальная полемика вѣщь вообще не главная и недостаточная, и предложили заняться болѣе положительнымъ дѣломъ — выработкою систематической идеяной платформы, разумѣется, только частнымъ образомъ, и только желающимъ. „Мы должны это сдѣлать не какъ слушатели школы, а какъ члены партіи, какъ практическіе работники“, говорили они. Никакихъ протестовъ тогда не послѣдовало, — да и противъ чего протестовать? Развѣ каждый членъ партіи не въ правѣ, за предѣлами партійныхъ поручений, располагать своимъ временемъ? И развѣ любая группа членовъ партіи не въ правѣ вырабатывать и представлять на судъ партіи любую идеиную платформу? Мы же могли только привѣтствовать такую исключительно благопріятную комбинацію для разработки большевистскихъ идей, когда на этой цѣли нѣсколько теоретиковъ объединяются съ нѣсколькими практиками изъ числа наиболѣе выдающихся, избранныхъ организациями рабочихъ. Дѣло началось и ведется.

Но вотъ пять товарищѣй, не принявшихъ участія въ выработкѣ платформы, приходятъ къ мысли, что это — дѣло незаконное, что это — восстаніе противъ законнаго идеяного центра большевиковъ, Б. Ц., что на это организаціи слушателей не уполномочивали, и что они, пять слушателей, не могутъ спокойно заниматься, если другие слушатели въ свободное время ведутъ столь преступную работу. Они ставятъ ультиматумъ этимъ другимъ слушателямъ о прекращеніи выработки платформы, угрожая въ противномъ случаѣ жаловаться „Пролетарію“ и мѣстнымъ организаціямъ.

„Пролетарій“, въ награду за такое поведеніе, объявилъ всѣхъ этихъ товарищѣй „наиболѣе передовыми и сознательными рабочими“ изъ состава школы. Я думаю, что ступень ихъ партійного сознанія достаточно характеризуется самой ихъ точкой зрѣнія, ихъ представлениемъ о правахъ членовъ партіи, ихъ отношеніемъ къ дѣлу и товарищамъ. Кромѣ одного — инициатора всей истории, пріѣхавшаго въ школу, повидимому, со вполнѣ определеннымъ планами и намѣреніями, — это именно тѣ товарищи, которымъ пребываніе въ школѣ могло принести меньше пользы, чѣмъ другимъ, для которыхъ усвоеніе курсовъ, благодаря малой подготовкѣ, было гораздо труднѣе, чѣмъ для другихъ. Въ этомъ виноваты, конечно, не они сами, а организаціи, которая ихъ послали, не принявъ въ расчетъ характера школы, предназначавшейся, вообще, лишь для наиболѣе развитыхъ и сознательныхъ, рабочихъ. Пусть ихъ организаціи, по крайней мѣрѣ, на будущее примутъ это во вниманіе, и не возлагаютъ на плечи товарищѣй непосильныхъ задачъ, ибо не могутъ съ одинаковой пользой для дѣла работать въ школѣ развитой рабочій, десять лѣтъ связанный съ партіей, и, напримѣръ, юноша 19 лѣтъ — одинъ изъ пяти товарищѣй.

Я никогда не позволилъ бы себѣ печатно касаться вопроса о степени развитія и сознательности тѣхъ или иныхъ товарищѣй рабочихъ, если бы меня не вынудила къ тому редакція „Пролетарія“, ставшая на эту почву, притомъ безусловно пристрастно и несправедливо.

Какъ ни печаленъ фактъ самъ по себѣ, но объективно отъ устраненія пяти товарищѣй дѣло потеряетъ не такъ много: большинство осталось, болѣе однородный уровень слушателей сдѣлаетъ работу еще производительнѣе, чѣмъ она была въ предыдущемъ три мѣсяца. Организаціи учатъ результаты этой работы — и „работы“ редакціи. Въ недостойномъ восторгѣ, она озаглавила свое послѣднее выступленіе противъ школы — „Позорный провалъ“. Провалъ тутъ вообще нѣть и, конечно, не будетъ. А если есть во всей этой истории нѣчто позорное, то именно — бѣшено злобное отношение официально-партийной организаціи къ такому партійно-необходимому дѣлу, какъ школа. Они не хотятъ сами его дѣлать, не хотятъ даже его исправлять, улучшать, — они хотятъ только его уничтожить... Того же хотятъ, конечно, прямые враги партіи. Мы убѣждены, что ни тѣмъ, ни другимъ это не удастся. А „позоръ“ упадетъ на головы тѣхъ, кто его заслужилъ.

Н. Максимовъ.

Нѣсколько словъ о моемъ „богостроительствѣ“

Уже довольно давно газетой „Пролетарій“ начата лично противъ меня и нѣкоторыхъ согласно со мною мыслящихъ членовъ нашей партии послѣдовательная компания на почвѣ нашихъ философскихъ убѣждений. При этомъ „Пролетарій“ не постыдился исказить мои мысли, и, какъ оказывается, ему удалось ввести нѣкоторыя серьезныя партійныя организаціи въ заблужденіе, такъ что и онѣ считаютъ своимъ соціальдемократическимъ долгомъ выразить рѣшительный протестъ противъ „загрываютъ“ нѣкоторыхъ „богостроителей“ съ „религіозными элементами“. Я считаю поэтому необходимымъ разсказать накопившися недоразумѣнія.

Политическая сторона вопроса.

До недавняго времени я состоялъ сотрудникомъ „Пролетарія“, и, какъ таковому, мнѣ было извѣстно постановленіе его редакціи совершенно не касаться на его страницахъ философскихъ темъ. Между тѣмъ мнѣ стало извѣстно также, что мои возврѣнія на исторію религіи и ея сущность и на взаимоотношеніе религіозныхъ запросовъ и чувствъ, съ одной стороны, и научно-соціалистического мировоззрѣнія, съ другой, — были дурно поняты нѣкоторыми молодыми членами партіи, со стороны которыхъ послѣдовали по этому поводу довольно странныя выступленія. Зная, что за эти выступленія дѣлаютъ отвѣтственнымъ отчасти меня, — я, весной 1908 года, согласившись на предложенную мнѣ официально редакціей „Пролетарія“ поѣздку по Европейскимъ колоніямъ съ рефератами, заявилъ, что буду всюду читать на тему: „Религія и Соціализмъ“. Я тогда же послалъ редакціи подробный конспектъ моихъ рефератовъ. Со стороны редакціи никакимъ препятствіемъ не оказалась, — указанную тему мною были прочитаны рефераты въ Бернѣ, Цюрихѣ, Лозаннѣ, Парижѣ, Льежѣ и Брюсселѣ. Всюду рефераты по порученію редакціи „Пролетарія“ устраивали мѣстныя бои юристическихъ группы.

Когда я возвращался съ моей поѣздки — мнѣ заявили, что въ отсутствіи моемъ одинъ изъ членовъ редакціи „Пролетарія“ выступилъ на какомъ то рефератѣ съ нападками на мои статьи, при чёмъ возмутилъ своимъ нетоварищескимъ тономъ всѣхъ Женевскихъ большевиковъ настолько, что мѣстная группа выразила ему официально, какъ своему члену, порицаніе.

Я выступилъ съ рефератомъ, поясняющимъ мою точку зрѣнія, и въ Женевѣ, но ни одинъ изъ нынѣшнихъ членовъ редакціи открыто и въ моемъ присутствіи противъ меня не выступилъ. Выступилъ — правда, съ чисто товарищеской критикой — одинъ Максимовъ.

Женевская группа, не удовлетворившись рефератомъ, притгласила меня для товарищеской дискуссіи, — въ результатѣ которой постановила, что можно соглашаться или нѣть съ моими теоріями, но что ничего партійно-предсудительного въ нихъ нѣть.

Женевская группа постановила, кроме того, просить редакцію „Пролетарія“, во избѣженіе дальнѣйшихъ недоразумѣній, дать мѣсто моему объяснительному письму, которое положило бы конецъ всѣмъ кривотолкамъ.

Но редакція „Пролетарія“ наотрѣзъ отказалась, какъ мнѣ, такъ и группѣ, въ удовлетвореніи этой просьбы, сославшись на постановленіе, воспрещающее философскую полемику на страницахъ газеты.

Между тѣмъ разгорѣлась борьба политическихъ оттѣнковъ большевизма по вопросу о Думѣ: началось исканіе и нагроможденіе поводовъ для раскола. Тутъ снова вспомнили о „богостроительствѣ“. Моя терминологія показалась достаточно удобной для того, чтобы поднять шумъ объ измѣнѣ пролетарскому атеизму, о загрываютъ съ религіозно-мыслящими элементами общества и т. д.

Въ 42 номерѣ „Пролетарія“, безъ всякаго товарищескаго предупрежденія мнѣ, хотя бы какъ официальному въ то время еще сотруднику, появилась раздраженная статья, озаглавленная раскально: „Не по дорогѣ“.

Статья на девять-десятихъ полна философской полемикой, оставленное посвящено самой грубой и ни для кого не убѣдительной попыткѣ представить философское, притомъ главнымъ образомъ относящееся къ употребленію терминовъ разногласіе, вопросомъ политики.

Дальнѣйшая исторія этой статьи и ея послѣдствій разсказана ниже въ Максимовомъ, который былъ въ то время членомъ редакціи.

Я констатирую, что ни малѣйшей попытки со стороны редакціи столкнуться по этому вопросу, ограничить его законной дискуссіей — сдѣлано не было, несмотря на всѣ предложенія съ моей стороны. Редакціи нужно было нѣчто, опорачивающее противниковъ, и рѣшено было использовать для этого мои статьи, исказивъ ихъ содержаніе, перетолковавъ ихъ терминологію, огрубивъ до неузнаваемости мою точку зрѣнія.

Здѣсь нѣтъ мѣста для полемики, и я ограничусь короткимъ и резюмирующимъ разъясненіемъ подлинныхъ моихъ взглядовъ.

Терминъ „богостроительства“.

Мнѣ никогда не приходило въ голову окрестить возврѣнія, высказанныя въ моихъ статьяхъ и книгѣ — „богостроительствомъ“. Терминъ этотъ, если употреблялся, то исключительно въ переносномъ смыслѣ. Подъ богостроительствомъ (теургіє), въ мистической и метафизической литературѣ понимается слѣдующій ходъ мысли: во вселенной нѣть бога, но сама вселенная представляетъ собою непрерывный процессъ, ведущій отъ абсолютнаго несовершенства — хаоса, къ абсолютному совершенству — богу. Человѣческая исторія есть одинъ изъ моментовъ этого процесса. Люди — часть строящагося бога, и, поскольку они сознательно стремятся содѣйствовать совершенству вселенной, — богостроители. Взявъ изъ рукъ мистиковъ и метафизиковъ ихъ терминъ, я говорю: „Если въ наше время существуютъ богостроители, т. е. люди, сознательно стремящіеся къ торжеству разума надъ стихіями, то это, конечно, никто иной, какъ соціалисты!“

13

Базаровъ не примыкающій вообще въ этомъ вопросѣ ко мнѣ и отвергающій всикую религіозную терминологію, въ своей критикѣ противопоставилъ „богостроительство“, какъ ученіе прогресса и вѣры въ силу человѣческую, — мѣщанскому трусливому и не разборчивому богоискательству, жаждущему найти во вселенной божество, которое бы удовлетворило мѣщанской потребности въ гарантированномъ счастіи и личномъ бессмертіи.

Я протестую противъ клички богостроителя, потому что мои идеи глубоко отличаются отъ богостроительства въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) богостроители вѣрятъ въ абсолютный хаосъ, какъ начало вселенной, въ абсолютнаго бога, какъ цѣль ся. Я отнюдь не раздѣляю этихъ метафизическихъ положеній и считаю вселенную за бесконечный и безначальный процессъ. 2) Богостроительство предполагаетъ присущій природѣ нѣкоторой внутренней благостной законѣ, гарантирующей постоянное совершенствованіе.. Это опять метафизическая гипотеза. Глубокіе регрессы и „круговое“ развитіе несомнѣнно присущи также природѣ. Разумное человѣчество отнюдь не имѣетъ передъ собою заранѣе гарантированной победы: разумъ, сознаніе, представителемъ которыхъ является человѣкъ, стоятъ передъ лицомъ трагической борьбы съ исходомъ отнюдь не безнадежнымъ, но все же сомнительнымъ. Такимъ образомъ я — не богостроитель.

Терминъ религія.

Я рѣшительно выставилъ въ нѣкоторыхъ моихъ статьяхъ и въ книгѣ „Религія и Соціализмъ“ (второй томъ которой, совершенно необходиимый для полнаго пониманія моихъ взглядовъ, только еще печатается), такое положеніе: научный соціализмъ съ нѣкоторой точки зрѣнія можетъ разматриваться, какъ наивысшая форма религіи, устраниющая всѣ предшествовавшия формы; Для того, чтобы выставить это положеніе, у меня были извѣстныя логическая и историческая основанія.

Основанія логическая. Нельзя думать, что религія представляется собою только то или иное истолкованіе міра при помощи идей „бога“, „души“ и т. под.: въ этомъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою лишь философскую гипотезу. Она становится религіей, поскольку удовлетворяетъ не познавательнымъ только, а практическимъ потребностямъ людей. Практическая потребность, удовлетворяемая миѳами, догматами, вѣрою въ магізмъ, т. е. въ молитвы, заклинанія и обряды,— есть потребность въ счастіи. Человѣческий организмъ по самому существу своему требуетъ для нормального развитія и довольства определенныхъ внешнихъ условій, которая вовсе не обязательно даются ему средою, и которые безпрестанно нарушаются. Старая религія пытаются истолковать наличность зла,—голода, болѣзни, смерти и т. п.—утѣшительнымъ для человѣка образомъ, въ нихъ человѣкъ черпаетъ увѣренность въ возможности воздействиіа на природу въ своихъ цѣляхъ, притомъ помимо слишкомъ слабаго еще въ тѣ времена воздействиіа техническаго. Вѣра въ иной міръ и загробную жизнь дѣлаетъ широко возможнымъ утѣшительный религіозный самообманъ. Но если наука абсолютно отвергаетъ всѣ роды религіознаго самообмана, она не можетъ отрицать наличности и неискоренимости потребности человѣка въ счастіи и факта бросающагося въ глаза — несочетанія тенденціи жизни и законовъ среды, т. е. стихій. Сама по себѣ наука, естествознаніе, не можетъ дать прямого отвѣта на возникшій такимъ образомъ коренной жизненный вопросъ. Но его рѣшаетъ исчерпывающе научный соціализмъ. Миѳъ и догма онъ замѣняетъ точной наукой, не только въ смыслѣ знанія природы, но и въ смыслѣ яснаго пониманія законовъ развитія общества, магізмъ же онъ замѣняетъ техникой труда. Познаніе и трудъ — вотъ два ключа, которые даютъ представителю разума, человѣку, силы привести въ гармонію потребности жизни и законы природы, подчинивъ послѣдніе первымъ. Этого было бы еще недостаточно для признанія соціализма религіей, хотя этимъ было бы доказано, что онъ отвѣчаетъ на тѣ же вопросы и удовлетворяетъ тѣмъ же потребностямъ. Но въ религію всегда входитъ, кроме того, разрѣшеніе вопроса о смыслѣ личной жизни и о связи человѣка съ міровымъ цѣломъ: всѣ сколько-нибудь развитыя религіозныя системы строятъ законченное представленіе о вселенной и отводятъ личности определенную, подчиненную, роль. То же дѣлаетъ и научный соціализмъ. Въ статьѣ: „Мальтусъ и Рикардо“ Марксъ прямо заявляетъ, что смысломъ исторіи является всестороннее развитіе силь человѣчества, и что только та личность можетъ жить полною жизнью, которая сознательно содѣйствуетъ этой цѣли, ставя человѣчество выше индивида. Но для этого необходимо очевидно развитое чувство любви къ виду, историческое чувство, началомъ которого является классовое чувство.

Итакъ, если мы условимся называть религіей только формы решения коренного и общаго вопроса о мѣстѣ человѣка и личности въ природѣ въ духѣ утѣшительного самообмана, въ духѣ анимизма, мистики, — тогда конечно научный соціализмъ не религія. Но если принять во вниманіе, что онъ является самымъ полнымъ, самымъ удовлетворительнымъ и реальнымъ отвѣтомъ на тѣ же вопросы, какіе ставило себѣ человѣчество въ своемъ религіозномъ мышленіи, — тогда онъ — наивысшая форма религіи. Онъ относится къ старымъ религіямъ, какъ аэропланъ — къ ковру самолету, какъ современное разложеніе химическихъ элементовъ — къ искаиніямъ старой алхіміи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ самой настоящей діалектикой. Религія ли соціализмъ? Нельзя просто отвѣтить: да или нѣть, а прочее отъ лукаваго. И да и нѣть, смотря по предпосылкамъ. Вотъ почему Дицгенъ въ своей брошюрѣ „Религія и Соціализмъ“ и утверждаетъ и отрицаетъ, что соціализмъ есть религія. Но разъ объективно выяснено существо дѣла, вопросъ остается только объ употребленіи терминовъ; и онъ долженъ рѣшаться практическими соображеніями. Основанія историческая. И Марксъ и Энгельсъ неоднократно и настоятельно указывали на то, что ученіе ихъ стоитъ въ прямой связи съ философией великихъ германскихъ идеалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ — душой этой филосо-

фія является идея прогресса въ смыслѣ постепенной победы разума надъ стихійностью и роста гармоніи, сознательности и свободы. Эта формула безъ измѣненій примѣнна и къ историческому материализму. Различие только то, что у идеалистовъ представление о прогрессѣ давалось блѣдное, отвлеченное, и въ основу его полегало стремленіе духа; у Маркса же картина прогресса яркая, конкретная, трудовая. Но классический идеализмъ представляетъ собою высокую форму религіозной философіи, тѣсно связанную съ предыдущими формами религіозного мышленія. Мы имѣемъ въ ходѣ развитія человѣческаго міропониманія и мірочувствованія діалектические переходы количественныхъ измѣненій въ качественные, но все же это одинъ процессъ; и опять таки вопросомъ простого выбора терминовъ является, обозначимъ ли мы всѣ стадии этого процесса словомъ „религія“, или выдѣлимъ нѣкоторыя и дадимъ имъ особое название.

Почему я отказываюсь отъ этой терминологии.

Сдѣланная мнѣ философскія возраженія относительно моей терминологии меня не ублѣдили. Я считаю, что, оговоривъ нѣсколько разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: соціализмъ есть особаго рода религія — безъ бога, потусторонняго міра, не содержащая въ себѣ вообще ни грана мистики и метафизики! — я обезопасилъ себя отъ всякаго нелѣпаго смѣщенія соціализма — какъ религіи съ другими, отжившими или отживающими формами мышленія и чувствованія. Но я хотѣлъ подчеркнуть часто забываемую и вообще, какъ бы затертью у насъ сторону пролетарскаго міросозерцанія, сторону, обращенную къ чувству, высочайшій и послѣдовательнѣйшій идеализмъ нового класса, который всѣ продолжаютъ, вѣдь, называть идеализмомъ, хотя въ немъ и нѣтъ ничего общаго съ послѣдышами идеализма философскаго, дуалистического.

Если я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ категорически отказаться отъ термина „религія“ въ примѣненіи къ соціализму, то изъ соображеній характера чисто практическаго. Терминология есть техника познанія, и всякий терминъ можетъ цѣниться лишь какъ хорошее или плохое орудіе для развитія мысли. Оказалось во первыхъ, что политические противники въ предѣлахъ нашей партии, не боясь упрековъ въ недобросовѣстности и завѣдомомъ искаженіи, приправившись къ „двусмысленнымъ“ словамъ, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы навязать мнѣ въ глазахъ пролетариата ненавистнаго мнѣ философски-реакціоннаго идеи.

Во вторыхъ оказалось, что въ партіи имѣется достаточное количество людей, которые пошли на эту удачу: частью потому, что новырили своимъ идеологамъ, не давая себѣ труда провѣрить ихъ; частью потому, что не смогли разобраться въ относительно тонкомъ и чуждомъ привычкамъ ихъ мысли вопросѣ; частью потому, что, не имѣя времени заниматься философскими вопросами и заваленные тяжелой практической работой, нѣкоторые члены партіи вообще подозрительно относятся ко всякому „новаторству“ теоретиковъ, и подозрительность эта въ данномъ случаѣ усугублялась непріятной терминологіей.

Оказалось, наконецъ, что мѣщанскіе богоискатели, трусливую и лживую религіозность которыхъ я всегда клеймилъ, съ поразительнымъ цинизмомъ или тупоуміемъ постарались усмотрѣть въ моей терминологии шагъ по направлению къ нимъ.

Во всякомъ случаѣ терминология моя создала вокругъ моихъ идей столь густую атмосферу лжи, вольныхъ и невольныхъ недоразумѣній, въ такой степени затруднила истинное пониманіе ихъ, что невыгоды ея, по сравненію съ выгодами, сдѣлались совершенно ясными и для меня самого.

Но какъ бы то ни было, ми о какой ереси, ни о какомъ противопоставленіи моихъ мыслей — революціонному марксизму серьезно не можетъ быть и рѣчи.

Я долженъ указать на то, что Плехановъ, напримѣръ, послѣ цѣлаго ряда публичныхъ извращеній моей идеи, послѣ криковъ о моемъ поворотѣ къ мистикѣ и богу, прочитавъ наконецъ мою книгу (т. е. ея новый томъ), пишетъ въ статьѣ, напечатанной въ „Современномъ мірѣ“: Луначарскій устраниетъ изъ религіи всякий анимизмъ, а потому его религія не есть религія. Еще бы! Разъ мы опредѣлили религію какъ анимизмъ! Тѣмъ не менѣе мое радикальное отличие отъ всякихъ богоискателей наконецъ понято Плехановымъ. Понято оно были и наиболѣе добросовѣстными богоискателями, напр. г. Минскимъ.

О нетерпимости.

Самымъ худшимъ видомъ религіозности, догматизма, церковщины и поповщины, является косность мысли и обскурантизмъ, съ крикомъ требующій партійного суда надъ всяkimъ, кто высказа-
лъ непривычную мысль. И грустные, и смѣшные, и отвратительные образчики этой поповщины, этой церковщины изукраша-
ютъ собою послѣднюю книгу В. Ильина и всю полемическую
дѣятельность Плеханова противъ товарищей соц.-дем. Если бы эти
явленія не были случайными, можно было бы бояться, что марксизмъ окостенѣваетъ и грозить превратиться въ sectu. Сопоставьте „марксизмъ“ Плеханова и Ленина съ такими словами Меринга: „Марксистъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ Марксъ не признавалъ себя марксистомъ, въ партіи нѣтъ и не можетъ быть (увы! А. Л.). Клятва словами учителя есть печальный удѣль лишь тѣхъ школъ, кои претендуютъ на знаніе конечной истины. Но этого рода истины марксизмъ не знаетъ. Онъ — не непогрѣшимая догма, а методъ, онъ выросъ изъ самыхъ вѣщей и измѣняется вмѣстѣ съ ними“.

Еще рѣзче высказался Бебель въ одной изъ своихъ рѣчей: „У насъ не можетъ быть еретиковъ, потому что у насъ нѣтъ догмы; если кто разрушилъ догматизмъ, то это наши учителя Марксы и Энгельсы“.

Самымъ дурнымъ пріемомъ сужденія о философскихъ теоріяхъ является приниженіе противъ нихъ организаціонныхъ резолюцій. Резолюціямъ мѣсто въ вопросахъ программы и тактики, но никакъ не въ обсужденіи теоретическихъ истинь. Я знаю только

одинъ примѣръ такого сужденія, или же попытки въ истории Герм. С.-Д. На съѣздѣ 1877-го года Мость и нѣкоторые другие требовали суда надъ однимъ с.-д. за его еретическую теорію и изгнаніе его изъ центрального органа. Нейсеръ извинялся за появление этихъ ересей въ Ц. О., заявляя, „что редакція не располагала достаточными силами для надлежащей проверки философскихъ теорій.“ Вальтейгъ требовалъ, чтобы читателей не кормили впередъ „столъ несъѣдной умственной пищей“. Партия тагъ, хотя и не воспрепѣтилъ еретического сочиненія, но велѣла перенести его изъ газеты въ приложение. Товарищи! — дѣло шло объ Энгельсѣ и его „Антидурингѣ“.

А. Луначарский.

Благочестивая редакція.

Исторія конфликта въ самой ред. „Прол.“ изъ-за вопроса о „богостроительствѣ“ была такова:

13-го февраля нынѣшняго года тов. Маратъ сообщилъ мнѣ, что узкая редакціонная коллегія (къ которой я не принадлежалъ) намѣрена помѣстить въ „Прол.“ статью противъ Луначарскаго, и что написано уже двѣ статьи, т. К. и его, Марата. Тогда я явился на засѣданіе узкой редакціи, и тамъ внесъ заявленіе, что помѣщеніе такой статьи нарушаетъ прошлогоднюю резолюцію *всего* Б. Ц. о философской нейтральности „Пролетарія“. Тов. Маратъ, который въ этой прошлогодней резолюціи не участвовалъ (былъ въ ссылкѣ), и дѣла въ точности не зналъ, — какъ человѣкъ лояльный, взялъ тотчасъ же обратно свою статью и предложилъ сдѣлать опросъ всей расширенной редакціи. Большинство узкой коллегіи предпочло опроса не дѣлать, а отказаться отъ помѣщенія статьи, каковое рѣшеніе можно было только привѣтствовать.

Но на слѣд. день узкая коллегія экстренно собралась — уже безъ меня, — и, отмѣнивъ принятое наканунѣ рѣшеніе, постановила (3 голоса противъ тов. Марата) напечатать статью т. К.

Узнавъ объ этомъ, я подалъ протестъ, главную часть которого здѣсь привожу:

„Уважаемые товарищи! Тов. Маратъ сообщилъ мнѣ, что ред. „Прол.“ перемѣнила свое рѣшеніе по вопросу о напечатаніи статьи противъ Луначарскаго въ „Пролетаріи“. Ознакомившись съ наличными статьями на эту тему, констатирую, что новое постановленіе грубо нарушаетъ рѣшенія, принятые всей русской частью Б. Ц. зимой прошлаго года и всей заграничной его частью въ августѣ. Этими послѣдними постановленіями запрещается всякая полемика по философскимъ вопросамъ въ нелегальныхъ органахъ фракціи и допускается при условіи формального равенства сторонъ въ изданіяхъ легальныхъ, напр. сборникахъ типа „Литературного распада“. Попытка обойти рѣшеніе ссылкою на то, что философская нейтральность ис нарушается борьбою противъ религіи, есть явная увертка, п. ч. въ нашей фракціи не найдется, я думаю, человѣкъ настолько наивнаго, чтобы смѣшать философское употребленіе Дицгеномъ, Луначарскимъ и нѣкоторыми другими терминовъ религіознаго происхожденія съ религіей въ историческомъ и политическомъ значеніи этого слова. Полная выдуманность новой аргументаціи явствуетъ уже изъ того факта, что никому изъ ред. „Прол.“ не приходило въ голову примѣнить ее до сихъ поръ, тогда какъ существовалъ рядъ статей Луначарскаго съ гораздо рѣзче, чѣмъ въ послѣдней статьѣ, выраженной терминологіей, противъ которой фактически направляется полемика.

Въ своемъ заявлѣніи я упустилъ отмѣтить одинъ фактъ, совершенно объективно и наглядно устанавливающій степень искренности поднятой съ цѣлью раскола кампаніи противъ „богостроительства“. Въ маѣ прошлаго года, та же самая редакція „Пролетарія“ организовала рефераты тов. Луначарскаго въ цѣломъ рядѣ городовъ Зап. Европы, рефераты на темы: 1) о профес. движеніи, 2) о религіи и соціализмѣ. Проспекты этихъ лекцій печатались, разсыпались и распредѣлялись *окъ именемъ ред. „Пролетарія“*. Вырученныи деньги *получила ред. „Пролетарія“*.

Ред. „Пролетарія“, вѣроятно, возразить, что денегъ этихъ было не такъ много...

Впрочемъ, ей правильнѣе было бы сослаться на то ортодоксальное... католическое ученіе, согласно которому всякое дурно пріобрѣтенное имущество должно ити въ пользу церкви, потому что, какъ замѣчаетъ Мефистофель

„Die Kirch' alleine, liebe Frauen,
Kann ungerechtes Gutt verdauen“ —

одна церковь можетъ переварить такое имущество. Въ данномъ случаѣ, вмѣсто церкви надо только поставить — редакцію „Пролетарія“.

Такъ или иначе, но „не въ шитьѣ была тамъ сила“, не въ чисто идейныхъ мотивахъ суть запоздалой борьбы противъ „богостроительства“ тамъ, где денежки за это самое „богостроительство“ получить не прочь, а защиту ортодоксіи противъ него береть на себя авторъ декадентскихъ критическихъ статей.

Я всегда былъ противникомъ религіозной терминологіи, но если бы имѣлъ время и возможность выступить противъ нея въ печати, все-таки не сталъ бы занимать этимъ страницы нелегальнаго политического органа, и поводомъ для нападенія выбралъ бы не ту статью, въ которой Луначарскій фактически уже отказывается отъ нея, говоря, что религіозная форма пониманія соціализма „не наша“, — а его предыдущія работы, гдѣ онъ, дѣйствительно, ее отстаивалъ. Но редакціи „Пролетарія“ эти предыдущія работы внушили только мысль отправить Луначарскаго съ рефератами, — за что, конечно, нелѣпо было бы упрекать редакцію, если бы она послѣ этого вдругъ не проявила такого „искренняго“ анти-религіознаго пыла — въ связи съ расколомъ, который устраивала.

Н. Максимовъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЦП 10391

ОПЕРАТИВНАЯ ТИПОГРАФИЯ „СОЮЗЪ“, 3, rue Beaubien, Paris

Большая «уступчи» по той поддержкѣ, которую она оказываетъ